
ВЗАИМОСВЯЗЬ ПОНЯТИЙ «ХАОС» И «ЗЛО» В ИСТОРИИ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

А.В. Кулик

Кафедра философии
Факультет общественных наук и международных отношений
Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара
пр. Гагарина, 72, Днепропетровск, Украина, 49010

Анализируются примеры этической трактовки понятия «хаос» такими философами, как Плотин, С. Кьеркегор, В. Соловьев, М. Шелер, Н. Бердяев. Аргументируется, что данные трактовки подразумевают наличие концептуальной связи между понятиями «хаос» и «зло». Доказывается, что теории об этическом содержании понятия «хаос» основаны на представлениях о Боге как источнике порядка.

Ключевые слова: хаос, зло, этика, история философии, порядок.

Понятие «хаос» широко используется в современных философских дискуссиях. Однако осмысление содержания этого понятия все еще далеко от своего завершения. Одним из почти неизученных аспектов является этическое содержание данного термина, в частности — философские основания взаимосвязи понятий «хаос» и «зло». Исследовательской проблемой, к решению которой призвано приблизиться данное небольшое исследование, является устранение указанного пробела.

Необходимо отметить, что тема рассмотрения этического содержания понятия «хаос» затрагивалась в работах таких философов, как Плотин, С. Кьеркегор, В. Соловьев, М. Шелер, Н. Бердяев, а также таких исследователей философских учений, как В. Афанасьева, Р. Моррис, Н. Омельченко, Л. Свендсен. Однако работы указанных авторов не были специально посвящены данной проблематике. В частности, в них не анализировался вопрос наличия корреляции между понятиями «хаос» и «зло».

Целью данной статьи является изучение взаимосвязи между понятиями «хаос» и «зло» в истории философской мысли.

Для достижения этой цели поставлены следующие три задачи. Во-первых, выделение примеров трактовки понятия «хаос» в различные эпохи истории философской мысли (Античность, Средние века, Новое время, XIX в., XX—XXI вв.). Во-вторых, фокусирование исследовательского внимания на тех трактовках, которые поднимают этическую проблематику. В-третьих, систематизация теоретических конструктов тех представителей философской мысли, которые рассматривают понятие «хаос» в связи со своими представлениями о концептуальном содержании понятия «зло».

Необходимо отметить, что данная работа не претендует на анализ осмысления хаотических феноменов представителями всех философских традиций и учений. Поскольку в настоящем небольшом исследовании уточняется содержание конкретного философского термина, который ведет свое происхождение от кон-

структов древнегреческой философии, постольку к рассмотрению не привлекался материал философских учений, в которых хотя и содержатся философские размышления о феноменах беспорядочного, неупорядоченного и т.п., однако не используется непосредственно термин «хаос» (например, философия Востока).

Начиная изложение основного материала своего исследования, прежде всего упомянем, что древнегреческое слово «хаос» указывает (исходя из трактовки А.Ф. Лосева) на «зев», «зевание», «зияние», «разверстое пространство», имея тот же корень, что и глаголы «зеваю», «разеваю» [1. С. 427].

Как известно, первые примеры употребления слова «хаос» в философских теоретических построениях (Ферекид, Акусилаи и др.) не имели отчетливых коннотаций, связанных с таким основополагающим для морали и этики ценностным представлением, как «зло». В дошедших до нас примерах философской мысли досократиков, других античных авторов (например, в диалоге «Пир» Платона) о хаосе повествуется не с этических, а скорее с космогонических, онтологических, гносеологических позиций.

Одни из первых примеров употребления понятия «хаос» в контексте этических рассуждений мы можем встретить у философов эллинистическо-римского периода. Так, Плотин четко увязывает «зло» и «хаос»: «Вина же во всем неприглядном лежит на безобразной и косной материи, вносящей в мировую гармонию сумятицу и хаос. А потому и зло неистребимо, что оно вечно не-сущее и небытие, лишь временно упорядочиваемое эйдосами Духа» [2. С. 80]. Безусловно, в этом высказывании философа-неоплатоника мы видим развитие изложенного в «Тимее» учения Платона, в котором упорядочение беспорядка преподносится как забота бога о том, чтобы «дурное» стало «хорошим» [3. С. 434].

В работах мыслителей эллинистическо-римского периода античной философии мы можем увидеть философские рассуждения, увязывающие понятия «зло» и «хаос», не только у неоплатоников, но и у стоиков, эпикурейцев, гностиков. Однако первые (например, Марк Аврелий) отбрасывают саму идею существования хаоса, вторые (например, Эпикур) понятие «хаос» скорее подразумевают, чем используют, учения же третьих характеризуются большой противоречивостью, не позволяя говорить о неких единых представлениях о хаосе и зле. Поэтому, с уверенностью мы можем говорить лишь о неоплатоническом варианте указания связи между понятиями «зло» и «хаос».

Нельзя утверждать, что все неоплатоники разделяли приведенные выше воззрения Плотина. Например, если Ямвлих в «Египетских мистериях» трактует хаос как зло, то в работах Прокла (в которых он рассматривает хаос как «беспредельное») мы можем увидеть и иные толкования, которые восходят, вероятно, к космогоническим представлениям орфиков.

Переходя к изложению материала средневековой философии, нужно прежде всего принять во внимание, что ее представители почти не используют понятие «хаос». Есть несколько исключений (например, ранняя редакция трактата Августина Блаженного «О книге бытия» [4. С. 679]), однако в них данное понятие фигурирует в контексте не этических, а космогонических рассуждений. Также ряд мыслителей Средневековья рассматривают в своих работах известные слова Эрит-

рейской сивиллы, в которых фигурирует слово «хаос», но тут мы имеем дело скорее не с философским понятием, а с поэтическим образом.

Конечно, если счесть термин «беспорядок» в известной степени сопоставимым с термином «хаос», то в ранней христианской мысли можно найти большое количество примеров соответствующих размышлений именно в этической плоскости. Так, Климент Александрийский порицает «беспорядочный разврат, который является делом дьявола» [5. С. 440], «беспорядочную любовь к собиранию богатств» [6. С. 18], рекомендуя упорядочивать свою душу в соответствии с требованиями добродетели.

В данной связи могло бы быть интересным учение Оригена о том, что беспорядочная жизнь приводит человека к страданиям: «Как члены тела, отделенные и оторванные от своих связей, производят... страшное и болезненное мучение, так и душа, когда окажется вне порядка и связи или вне той гармонии, в которой она сотворена Богом для добрых дел и плодотворного чувствования, будет чувствовать разлад с собою во всех своих разумных движениях, будет нести, нужно думать, наказание и муку этого разлада с собою и будет чувствовать возмездие за свое непостоянство и беспорядочность» [7. С. 218]. Причем Ориген отмечает, что такого рода болезненный опыт беспорядочной жизни может иметь положительное значение. Ведь, по убеждению мыслителя, если человек испытал муки пребывания в беспорядке, то этим непременно было положено основание для обновления данного человека в нравственном, духовном плане.

Подобных рассуждений о «беспорядочном» можно встретить немало в философской мысли Средневековья, однако, как отмечалось выше, объектом изучения мы все же выбрали не термин «беспорядок», а понятие «хаос».

В философии Нового времени о хаосе говорилось довольно много. Некоторые авторы (например, Г. Лейбниц) опровергали его существование. Те же мыслители, которые признавали существование хаоса, обращали внимание прежде всего на космогоническую, а также эстетическую проблематику содержания данного понятия. Примеры и первого, и второго мы можем увидеть в философии И. Канта.

В своих работах (в первую очередь в работах докритического периода) Кант много пишет о хаосе в контексте своих теорий об эволюции мироздания, а также излагая свои эстетические представления. Так, во «Всеобщей естественной истории и теории неба» немецкий философ пишет: «Немалое удовольствие — силою воображения перенестись за пределы завершеного творения в пространство хаоса и увидеть, как почти первозданная природа вблизи сферы уже образовавшегося мира постепенно теряется во всем несформировавшемся пространстве, проходя через все ступени и оттенки несовершенства» [8. С. 210].

Позитивное отношение к хаосу было свойственно целому ряду мыслителей. Тут можно отметить, например, позицию Ф. Шеллинга, который считал осмысление хаоса важным условием совершенствования человека. Для него хаос предстает чем-то возвышенным, «символом бесконечного». Шеллинг говорит, что в созерцании хаоса «заключается первый шаг к философии». Этот мыслитель утверждает, что хронологически первым абстрактным понятием, первым философским концептом было именно понятие «хаос» [9. С. 197].

Еще один пример подобных рассуждений предлагает Ф. Шлегель, утверждая, что «Высшая красота и даже высший порядок — это ведь все-таки красота и порядок хаоса, ожидающего лишь прикосновения любви, чтобы стать миром гармонии» [10. С. 387]. Этот философ, да и другие романтики (например, Новалис), восторженно относятся к существованию хаоса. Ф. Шлегель считает хаос настолько важным для созидания гармонии, что даже предлагает нам стать проводником хаоса в те сегменты нашего бытия, которые нуждаются в преобразении.

Однако, как мы видим, и Ф. Шеллинг, и Ф. Шлегель осмысливают понятие хаос не с этических, а с эстетических позиций. Их развернутые учения о хаосе, как и представления о хаосе И. Канта, не содержат соотношения содержания понятия «хаос» с этическими категориями (например, с категориями «зло» и «добро»), показывая тем самым, что вне понятий нравственности вполне возможны варианты позитивной трактовки хаоса.

Линию эстетической трактовки хаоса продолжает в XIX в. Ф. Ницше. Пожалуй, именно в этом ключе, а не этическом, стоит расценивать его многочисленные пассажи вроде знаменитого: «Нужно носить в себе еще хаос, чтобы быть в состоянии родить танцующую звезду» [11. С. 11]. Для данного исследования не является важным — прав был М. Хайдеггер или ошибался, когда утверждал в «Европейском нигилизме», что Ф. Ницше не призывает нас быть вне любого закона и порядка, а убеждает в «необходимости нового уложения порядка против хаоса». Ф. Ницше рассматривает понятие «хаос» не в этической плоскости, что выносит его размышления за рамки нашего небольшого исследования.

Возрождает этическую трактовку хаоса С. Кьеркегор. Подчеркивая, что «Бог — сторонник порядка», датский мыслитель говорит, что жизнь человека, нарушающего порядок Бога, представляет из себя «...мучение Я, в хаосе сил, находящихся во внутреннем междоусобном восстании, в котором исчезло всякое внутреннее согласие...» [12. С. 380]. Тут мы видим уже не эстетическое восприятие хаоса, а рассуждения, которые строятся в рамках христианской парадигмы морали.

Интересную позицию этической трактовки понятия «хаос» предлагает российский философ В.С. Соловьев. В своих работах он говорит о том, что полноценная победа над «первобытным хаосом» возможна лишь тогда, когда «темные силы» (которые он соотносит с данным хаосом) будут не только побеждены, но и убеждены [13. С. 392]. По мысли философа, задачу «убеждения» хаоса призван осуществить человек, продолжая процесс гармонизации мира, который был начат Богом.

Как отмечает Соловьев, в человеке хаос проявляет свою сущность как нравственное зло. Однако поскольку человек путем самосовершенствования в плане религии и морали способен преодолеть это зло, постольку человек оказывается обладающим возможностью обеспечить «окончательное торжество» над хаосом. По Соловьеву, нравственное самосовершенствование человека — верный и единственно возможный путь окончательной победы над хаосом в нашем мире.

Несмотря на то, что в XX в. о хаосе писал целый ряд авторов, однако в этическом ключе это понятие рассматривали немногие. Например, в работах таких признанных исследователей проблем хаоса, как Ж. Делёз и Ф. Гваттари, или же

И. Пригожин, об этической стороне понятия «хаос» не упоминается. Среди авторов, которые в XX столетии затрагивали вопрос взаимосвязи понятий «хаос» и «зло», отметим М. Шелера и Н. Бердяева.

М. Шелер писал, что упорядочивающей основой существующего мира является не рация, а любовь. Как он отмечал, «*ordo amoris*» является сердцевинной миропорядка как порядка божьего. Тем не менее, Шелер упоминает о том, что в «*ordo amoris*» имеет место и хаос. Размышляет об этом М. Шелер следующим образом: «Если в мире есть ненависть, то в мире должен быть и хаос в строе любви» [14. С. 96]. Предполагая, что тот или иной человек «ненавидит в силу хаоса в строе любви», Шелер прямо объявляет хаос необходимым условием зла.

Несколько иной вариант этической трактовки хаоса предложил Николай Бердяев. Констатируя, что человечество отпало от подлинных божественных истин, он пишет, что «человек ввергся в стихию звериного хаоса» [15. С. 149]. Выход из этого состояния, по мнению Бердяева, состоит в получении определенных знаний. Как он пишет: «Знание есть путь от хаоса к космосу, от тьмы к свету».

Российский философ полагает, что данные знания должны быть особого рода. Бердяев противопоставляет знания, полученные рассудком, и знания, доступные благодаря разуму. Называя рассудок «малым разумом», он считает его скорее препятствием на пути к преобразению хаоса, нежели чем-то полезным в этом вопросе. Мыслитель призывает отречься от рассудка, приобщаясь к Логосу. По убеждению Бердяева, только так человек способен «прозревать сквозь хаос, сквозь фатум природы Разум мира, Смысл мира» [16. С. 55].

Необходимо рассмотреть также те учения XX в., которые нередко считают апологией хаоса. Возьмем в качестве примера учение Э. Фромма. Данный философ в «Бегстве от свободы» предлагает нам «путь спонтанных связей с людьми и природой». По мысли Фромма, этот путь позволит соединить человека с миром, не уничтожая человеческую индивидуальность. Под спонтанностью философ понимает нечто абсолютно противоположное рациональной деятельности, призывая нас ориентироваться в своем поведении на детей и художников. Однако, во-первых, в этих своих размышлениях Фромм использует термин «спонтанность», а не «хаос». Во-вторых, вполне вероятно, что данный философ, по сути, имеет в виду вовсе не некий хаотический образ жизни, а лишь своего рода альтернативный порядок, противопоставляя порядок природы раскритикованному им порядку рации.

Что касается тех философских позиций, которые высказываются в начале XXI в., то тут нужно сказать о намечающейся тенденции продемонстрировать неоднозначность и противоречивость традиционных представлений о причинах и сущности хаоса. Остановимся на двух позициях, которые высказали Л. Свендсен и Р. Моррис.

Современный норвежский философ Ларс Свендсен затрагивает этическую проблематику понятия «хаос», когда пишет о насилии. Он обращает внимание на то, что насилие не только создает хаос, но также и претендует на созидание порядка. По его словам, «насилие является типичной попыткой создать порядок из хаоса — попыткой восстановить утраченный баланс» [17. Р. 133].

Другой современный автор — Р. Моррис — пишет о сложности нынешнего мира, связывая не только понятия «хаос» и «зло», но также такие понятия, как «свобода» и «хаос». По его словам, «поскольку есть многочисленные центры свободы и креативности, мир содержит неизбежный элемент хаоса и трагедии» [18. Р. 60].

В завершении этого небольшого исследования считаем нужным указать на ту программу действий по отношению к хаосу, которую предлагают философы, трактующие хаос в качестве зла. Плотин, С. Кьеркегор, В. Соловьев, М. Шелер, Н. Бердяев говорят об упорядочении как способе преодолеть то зло, с которым они ассоциируют хаос. Это упорядочение, по их мнению, должно быть воспроизводством той упорядочивающей активности, высшим воплощением которой являются действия Бога.

Причем ряд философов (например, С. Кьеркегор, В. Соловьев) ясно и недвусмысленно указывают, что данное воспроизводство может осуществляться посредством личных усилий человека. Более того, некоторые авторы (в первую очередь В. Соловьев) утверждают, что именно человеку, и только ему, принадлежит особая миссия в деле борьбы со злом хаоса — человек призван завершить начатое Богом упорядочение мира. С точки зрения российского философа, осуществлять эту миссию человеку следует путем нравственно-религиозного самосовершенствования.

На основании вышеизложенного мы пришли к следующим выводам. В истории философской мысли наличествуют примеры этической трактовки понятия «хаос». В частности, речь идет о философских построениях Плотина, С. Кьеркегора, В. Соловьева, М. Шелера, Н. Бердяева. Тем не менее, существуют и философские учения о хаосе, которые не содержат этической компоненты (в частности, это теории о хаосе И. Канта, Ф. Шеллинга, Ф. Шлегеля, Ж. Делёза и Ф. Гваттари, И. Пригожина).

Все выделенные нами теории о хаосе, в которых поднимается этическая проблематика, усматривают связь между хаосом и злом, предполагая наличие концептуальной корреляции между данными понятиями (теории Плотина, С. Кьеркегора, В. Соловьева, М. Шелера, Н. Бердяева). Важной сущностной чертой этих учений является то, что все они основаны на представлениях о Боге как источнике порядка. Причем осуждение хаоса с этических позиций может быть инспирировано не только христианскими представлениями о Боге (примером чего являются представления Плотина о хаосе).

Авторы, которые рассматривают понятие «хаос» в эстетической проекции, относятся к нему либо нейтрально, либо выступают его сторонниками (например, Ф. Шлегель призывает стать проводником хаоса в те сферы, которые нуждаются в преображении). Однако те философы, которые наполняют понятие «хаос» этическим содержанием, категорически настаивают на преодолении хаоса как зла. Среди этих философов ряд мыслителей (С. Кьеркегор, В. Соловьев и др.) отчетливо указывают на способность человека бороться с хаосом и одержать над ним победу.

Мы считаем перспективным дальнейшее изучения этического содержания понятия «хаос», что представляется нам особенно актуальным в контексте трансформаций социальной жизни XXI в.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. В 2 кн. Кн. 2. — Харьков: Фолио, 2000. — С. 427.
- [2] *Плотин.* Эннеады (II) / Плотин. — К.: УЦИММ–ПРЕСС, 1996.
- [3] *Платон.* Тимей / Пер. С.С. Аверинцева // Собр. соч. в 4 т. Т. 3 / Общ. ред. А.Ф. Лосева и др. — М.: Мысль, 1994. — С. 421—500.
- [4] *Блаженный Августин.* Главы из трактата «О книге бытия» (ранняя редакция) // Творения: В 4 т. Т. 2. — К.: УЦИММ-Пресс, 2000. — С. 674—680.
- [5] *Климент Александрийский.* Строматы. Т. 1 (Книги 1—3) / Пер. Е. Афонасина. — СПб.: Изд-во О. Абышко, 2003.
- [6] *Климент Александрийский.* Строматы. Т. 2 (Книги 4—5) / Пер. Е. Афонасина. — СПб.: Изд-во О. Абышко, 2003.
- [7] *Ориген.* О началах. — СПб.: Библиополис, 2008.
- [8] *Кант И.* Всеобщая естественная история и теория неба // Сочинения в 6 т. / Под общ. ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. — Т. 1. — М.: Мысль, 1963. — С. 115—262.
- [9] *Шеллинг Ф.В.* Введение в философию мифологии // Сочинения в 2 т. — Т. 2. — М.: Мысль, 1989. — С. 159—374.
- [10] *Шлегель Ф.* Разговор о поэзии // Эстетика. Философия. Критика. В 2 т. — Т. I. — М.: Искусство, 1983. — С. 365—417.
- [11] *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого / Пер. с нем. Ю. Антоновского // Сочинения в 2 т. — Т. 2. — М.: Мысль, 1996.
- [12] *Кьеркегор С.* Болезнь к смерти / Пер. с дат. С. Исаева // Страх и трепет. — М.: Культурная революция, 2010. — С. 285—406.
- [13] *Соловьёв В.С.* Общий смысл искусства // Сочинения в 2 т. — Т. 2. — М.: Мысль, 1988. — С. 390—404.
- [14] *Шелер М.* Ordo amoris // Трактаты о любви: Сб. текстов. — М.: ИФРАН, 1994. — С. 77—100.
- [15] *Бердяев Н.* Философия свободы // Философия свободы. Смысл творчества. — М.: Правда, 1989. — С. 12—253.
- [16] *Бердяев Н.* Смысл Творчества // Философия свободы. Смысл творчества. — М.: Правда, 1989. — С. 254—535.
- [17] *Svendsen L.* A Philosophy of Evil / Lars Fr. H. Svendsen. — Dalkey Archive Press, 2010.
- [18] *Morris R.* Process Philosophy and Political Ideology: The Social and Political Thought of Alfred North Whitehead and Charles Hartshorne / Randall C. Morris. — SUNY Press, 1991.

CONCEPTS OF “CHAOS” AND “EVIL” CORRELATION IN HISTORY OF PHILOSOPHICAL THOUGHT

A.V. Kulik

Department of Philosophy
Faculty of Social sciences and International relations
Oles Honchar Dnipropetrovsk National University
Gagarin Ave., 72, Dnipropetrovsk, Ukraine, 49010

The examples of ethical interpretation of “chaos” by such philosophers as Plotinus, S. Kierkegaard, V. Soloviev, M. Scheler, N. Berdyaev are analyzed in the article. It is argued that all these interpretations demonstrate the connection between concepts of “chaos” and “evil”. It is proven that theories about ethical content of concept of “chaos” are based on ideas of God as the source of order.

Key words: chaos, evil, ethics, history of philosophy, order.

REFERENCE

- [1] Losev A.F. Istorija antichnoj jestetiki. Itogi tysjacheletnego razvitija. V 2 kn. Kn. 2 / A.F. Losev. — Har'kov: Folio, 2000. — S. 427.
- [2] Plotin. Jeneady (II) / Plotin. — K.: UCIMM-PRESS, 1996. — 240 s.
- [3] Platon. Timej / Platon; [per. S.S. Averinceva] // Sobr. soch. v 4 t. T. 3 / Obshh. red. A.F. Loseva i dr. — M.: Mysl', 1994. — S. 421—500.
- [4] Blazhennyj Avgustin. Glavy iz traktata «O knige bytija» (rannjaja redakcija) / Avgustin Avrelij // Tvorenija: V 4 t. T. 2. — K.: UCIMM-Press, 2000. — S. 674—680.
- [5] Kliment Aleksandrijskij. Stromaty. T. 1 (Knigi 1—3) / Kliment Aleksandrijskij; [per. E. Afonasi-na]. — SPb.: Izd-vo O. Abyshko, 2003. — 544 s.
- [6] Kliment Aleksandrijskij. Stromaty. T. 2 (Knigi 4—5) / Kliment Aleksandrijskij; [per. E. Afonasi-na]. — SPb.: Izd-vo O. Abyshko, 2003. — 336 s.
- [7] Origen. O nachalah / Origen. — SPb.: Bibliopolis, 2008. — 792 s.
- [8] Kant I. Vseobshhaja estestvennaja istorija i teorija neba / I. Kant // Sochinenija v shesti tomah / pod obshh. red. V.F. Asmusa, A.V. Gulygi, T.I. Ojzermana. — T. 1. — M.: Mysl', 1963. — S. 115—262.
- [9] Shelling F.V. Vvedenie v filosofiju mifologii / F.V. Shelling // Sochinenija v 2 t. — T. 2. — M.: Mysl', 1989. — S. 159—374.
- [10] Shlegel' F. Razgovor o poezii / Fridrih Shlegel' // Jestetika. Filosofija. Kritika. V dvuh tomah. — T. I. — M.: Iskusstvo, 1983. — S. 365—417.
- [11] Nicshe F. Tak govoril Zaratustra. Kniga dlja vseh i ni dlja kogo / F. Nicshe; [per. s nem. Ju. Antonovskogo] // Sochinenija v 2 t. T. 2. — M.: Mysl', 1996. — S. 5—237.
- [12] K'erkegor S. Bolezn' k smerti / S. K'erkegor; [per. s dat. C. Isaeva] // Strah i trepet. — M.: Kul'turnaja revoljucija, 2010. — S. 285—406.
- [13] Solov'jov V.S. Obshhij smysl iskusstva / V.S. Solov'jov // Sochinenija v 2 t. T. 2. — M.: Mysl', 1988. — S. 390—404.
- [14] Sheler M. Ordo amoris / M. Sheler // Traktaty o ljubvi: Sb. tekstov. — M.: IFRAN, 1994. — S. 77—100.
- [15] Berdjaev N. Filosofija svobody / N. Berdjaev // Filosofija svobody. Smysl Tvorchestva. — M.: Pravda, 1989. — S. 12—253.
- [16] Berdjaev N. Smysl Tvorchestva / N. Berdjaev // Filosofija svobody. Smysl Tvorchestva. — M.: Pravda, 1989. — S. 254—535.
- [17] Svendsen L. A Philosophy of Evil / Lars Fr. H. Svendsen. — Dalkey Archive Press, 2010. — 306 p.
- [18] Morris R. Process Philosophy and Political Ideology: The Social and Political Thought of Alfred North Whitehead and Charles Hartshorne / Randall C. Morris. — SUNY Press, 1991. — 289 p.